

Анна Осокина

НА ХРУСТАЛЬНЫХ
ОСКОЛКАХ.
Исцели мое сердце

Анна Осокина

На хрустальных осколках.

Исцели мое сердце

<https://litres.ru/74206272>

Аннотация

Год назад кардиохирург Алексей потерял в аварии беременную жену. С тех пор он словно проживал «день сурка»: работа в больнице, дом и снова работа. Но в один миг все перевернулось с ног на голову, когда к нему поступила беременная пациентка с остановкой сердца. Он вытащил с того света её, но не смог спасти ребёнка. Майя думала, что у неё идеальная семья, пока не узнала об измене мужа. Из-за стресса у неё случился сердечный приступ. Она лишь хотела добиться того, чтобы врач, по её мнению, виновный в смерти ребёнка, лишился права на врачебную деятельность, но все вышло из-под контроля. Имеет ли Майя право испытывать к этому человеку нежные чувства? И предаёт ли Алексей память жены, думая о своей пациентке? А, может, небо даёт им обоим второй шанс на обретение семьи?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава 1

Алексей

В палате реанимации чуть слышно гудел инфузионный насос, равномерно пищал кардиомонитор. За годы работы в больнице я привык к этим звукам, они меня успокаивали. Даже не глядя на показатели, я слышал, что с пациенткой все в порядке. Теперь — в порядке, хотя несколько часов назад она чуть не умерла.

Такая молодая... Ее светло-рыжие, почти золотистые волосы были откинuty на подушку, не скрывая бледного лица. В любой другой ситуации я ушел бы домой отдыхать после шестнадцатичасового дежурства, но не сейчас. Остался, чтобы лично сообщить девушке обо всем, когда она очнется. А новости, к моему глубочайшему сожалению, были ужасными. Впервые не знал, как сказать пациентке о том, что с ней произошло: «Мне очень жаль» или «Мы сделали все, что было в наших силах»? Как же заезжено это звучит! Руки непроизвольно сжались в кулаки от бессильной злости. Где-то в глубине груди начала зарождаться паника. Так иногда случалось после смерти Леры. Я принялся дышать глубоко и равномерно, пока не почувствовал, что начинаю успокаиваться.

Устало прикрыл глаза и покачал головой. Нет, это все не то. Не те слова, которые ей нужны! Но проблема в том, что, какие бы я слова ни подобрал, от этого ничего не изменится.

Сделал ли я в этой ситуации все, что мог? Да. Станет ли ей от этого легче? Не думаю.

Девушка издала звук, который и стоном назвать трудно — настолько тихим он вышел. Я поднялся со стула, где сидел уже несколько часов, и подошел к ее койке. Анестезия заканчивала действие. Она с трудом открыла глаза и попыталась сфокусировать на мне взгляд.

— Майя, вы знаете, где находитесь? — спросил у нее мягко.

Она несколько секунд осмысливала вопрос, потом медленно кивнула. Я видел, что она испытывает жуткую слабость после наркоза и всего, что с ней случилось.

— Помните меня? Я ваш врач. — Встал так, чтобы ей не пришлось двигать головой, глядя мне в глаза.

Девушка снова чуть заметно кивнула. На пару секунд прикрыла веки и снова с усилием их распахнула.

— Что... — шепнула она, но я перебил ее, зная, что ей трудно говорить.

— Вы попали в аварию, потому что вам стало плохо с сердцем, — старался не сыпать терминами, чтобы пациентка все поняла, потому что она еще не до конца пришла в себя.

Руки ее непроизвольно дернулись к животу. Она так на меня смотрела, еще не задав главный вопрос, что мне хотелось на том самом месте провалиться сквозь пол, только бы больше не видеть того, что отражалось в ее глазах цвета грецкого меда. Убежать, раствориться — что угодно, только

бы не говорить это вслух!

— Малыш?.. — Ее нижняя губа задрожала, кажется, она все поняла по выражению моего лица. Если бы я был хорошим актером, наверное, поступил бы в театральный институт, а не в мед. Но актер из меня никакой, поэтому она читала меня как открытую книгу.

— Простите, мы не смогли сохранить беременность, — сумел кое-как выдать из себя.

Лицо ее исказила гримаса боли, а рот приоткрылся в беззвучном крике. Она не издала ни звука, а глаза оставались сухими, но я будто оголенных проводов под напряжением коснулся, глядя на это ничем не прикрытое страдание.

Сердечный ритм немного сбился, о чем сразу сообщил монитор резкими звуками.

— Майя, успокойтесь, дышите ровно, слышите меня?

Она мотала головой, дыхание участилось. Этак она до нового приступа себя доведет. Пришлось попросить вошедшую медсестру добавить пациентке еще препараты. Очень скоро писк прибора снова стал монотонным, а девушка расслабилась и заснула.

— Алексей Викторович, шли бы вы домой. — Медсестра сочувственно улыбнулась, коснувшись кончиками пальцев моего предплечья. — Мы тут сами справимся.

Как же я ненавидел этот взгляд! Таким меня провожали после смерти Леры все коллеги. Это сострадание вперемешку с сочувствием. Как же хотелось... напиться! Да, это бы-

ло именно то, что мне в тот момент требовалось. Только бутылка чего-нибудь крепкого, что заставит просто вырубиться без сновидений.

Коротко кивнул медсестре и, не оглядываясь, вышел из палаты. Я сделал для этой девушки все, что мог. Так почему же мне казалось, что с позором убегаю от нее?..

Несмотря на усталость и усиленные возлияния, сон не шел. Ощущая слабость в ногах, вышел из квартиры и направился вдоль набережной реки. Несмотря на глубокую ночь, город не спал. Мегаполисы никогда не засыпают полностью. Это как огромный муравейник, где у каждого свои заботы, где каждому плевать на другого...

Показалось, что меня вывернет. Перегнулся через перила, но все обошлось. Тошнота отступила. А я так и остался висеть на перилах, глядя на темную воду, которая отражала фонари по другую сторону реки. Не знаю, как долго так стоял. Мозг подбрасывал вспышки воспоминаний о событиях с последней смены.

В этот раз я дежурил в отделении скорой помощи, куда нас отправляли примерно раз в две недели. Хотя в последние месяцы я дежурил в неотложке чаще: брал дополнительные смены, подменял коллег по ночам — все, только чтобы не оставаться одному в квартире. Холодной и пустой, несмотря на то, что стояла середина лета. Я заваливал себя работой, а в перерывах на отдых пил, ведь каждый справляется с горем

как может. Это мой способ уйти от реальности.

День выдался тяжелым с самого начала хотя бы потому, что ровно год назад я потерял жену. Как чувствовал, что ничего хорошего сегодня можно не ждать. Интуиция не подвела.

У новорожденного, который появился в нашей больнице несколько часов назад, обнаружили порок сердца. Крохотный пациент нуждался в срочной операции, иначе он не выжил бы. Мальчик был доношен и в остальном здоров, но без хирургического вмешательства не дожил бы до следующего дня. Я имел опыт в детской хирургии, однако это всегда давалось мне тяжелее. И даже не из-за размеров органов, хотя и это играет роль. Оперировать ребенка мне всегда сложнее в моральном плане. Наверное, врач не имеет права так рассуждать, не нам судить, кто обязан выжить, а кто — нет. Но все же когда я оперировал взрослых, понимал, что они узнали, что такое жизнь, может быть, цинично, но это так. А дети... Я как будто брал ответственность за их будущее. Как будто, если не я, то им уже никто не поможет. Впрочем, часто так и получалось.

Это вовсе не значит, что, оперируя взрослых, я прикладывал меньше усилий. Нет, я всегда выкладывался на сто процентов. Но, работая с детьми, я словно шел по острому лезвию. И это крайне выматывало.

Операция маленького мальчика прошла успешно, без каких бы то ни было неприятных сюрпризов. Ему предстояла

еще одна операция через несколько месяцев, но плановая и не такая трудная.

Я уже представлял радостные слезы его матери, когда буду сообщать ей о том, что ее ребенку больше ничего не грозит, что пройдет несколько месяцев, и он будет расти без всяких ограничений, как и его полностью здоровые сверстники. В будущем он сможет заниматься и футболом, и плаванием, и любым другим спортом, который только выберет! Лишь первое время ему понадобится чуть больше внимания, чем обычным детям, а потом он ничем не будет отличаться от других малышей.

Однако получилось совсем не так, как я рассчитывал. Когда я пришел в палату к недавно родившей женщине и с улыбкой сообщил радостные новости, она смутилась, а потом отвернулась и кивнула, лишь тихо сказав:

— Спасибо.

Женщина была немолода, хорошо за сорок, немного в теле, но трудно сказать: она всегда такая или на нее повлияла беременность. Лицо ее было изможденным, на голове — пучок засаленных волос. Конечно, роды — это не тот процесс, во время которого думаешь о внешности.

— Сейчас ваш малыш в отделении интенсивной терапии, но как только сможете подняться, я попрошу медсестру, чтобы проводила вас к нему.

В таких случаях родители всегда хотели быть как можно ближе к детям. И как я их понимал! Но в этот раз что-то было

не так. Собеседница никак не отреагировала на мои слова. Я подошел ближе.

— У вас все в порядке? Позвать вашего врача? — уточнил я.

— Все нормально, ничего не надо. — Она не смотрела на меня, словно не хотела, чтобы я видел ее глаза.

Я пожал плечами и вышел из палаты, а потом подошел на пост к медсестре. Сегодня работала девушка, которую я плохо знал, потому что в родильном отделении бывал нечасто. Иногда видел ее в столовой. Симпатичная шатенка, чуть полноватая, но очень обаятельная, с живой мимикой. Она что-то сосредоточенно писала и не сразу меня заметила.

— Что с Осиповой из третьей палаты? Она какая-то странная, — сказал я.

— От ребенка отказалась, — вздохнула медсестра, отвлекшись от заполнения документов.

— Почему? — не понял я. — Боялась, что он умрет?

Мне такого было не понять, но это первое предположение, которое пришло в голову. Может, это какая-то защитная реакция? Но теперь-то с ее малышом все будет в порядке! Что не так?

— Говорит, что о беременности узнала за пару недель до родов.

— Интересно, — хмыкнул я. — Из неблагополучных? Не похоже, что пьет. Уставшая сильно, но явно не алкоголичка.

— Да нет, многодетная. У нее четверо, говорит, больше

не потянет.

— А что муж?

— А нет мужа. — Медсестра развела руки в стороны. — В данных об отце ребенка прочерк.

Я пожевал нижнюю губу.

— Понятно. Значит, отказник.

— Уже связались со службой опеки.

— Может, еще передумает? Поговорю с ней. — Я направился обратно в палату.

Но, когда я вошел, женщина спала. Или делала вид, что спит. Не стал будить и, поджав губы, пошел в отделение скорой помощи, где в тот день дежурил. Почему-то подсознательно я был уверен, что Осипова не поменяет решения.

Я не мог представить, в какой ситуации она оказалась. Да и не хотел, если честно. Осуждал ли я ее? Нет. Не в моих это правилах. Но все же становилось больно при мысли о том, что этого ребенка, возможно, ждет трудная судьба.

Очень скоро мне стало не до размышлений, потому что нам привезли экстренную пациентку.

— Майя Белова, двадцать шесть лет, — сухо сообщил мне фельдшер скорой, передав документы с описанием лечения, которое девушка успела получить, — двадцатая неделя беременности, подозрение на инфаркт. Была за рулем, врезалась в ограждение на дороге, очевидцы вызвали скорую.

Он говорил это, а у меня внутри все в один миг перевернулось. А в район солнечного сплетения будто уголек упал.

Это было физически больно, он невыносимо жег. Я испытывал гребанное дежавю! Попытался взять себя в руки.

— Какие-то сопутствующие травмы? — уточнил я, принимая вместе с медсестрами пациентку, лежавшую на каталке.

— Больше ни на что не жаловалась. — Коллега покачал головой. — Сработали подушки безопасности.

— Спасибо, — кинул я ему на ходу, удаляясь в отделение вместе с пациенткой.

— Майя! — Я посмотрел на девушку, пока ее подключали к кардиомонитору. — Слышите меня? Я кардиолог, мы вам поможем, хорошо?

Она испуганно закивала, хватаясь за живот.

— Что болит? Живот?

— Нет, — часто дыша, сказала она. — Давит, — девушка показала руками на грудь, подняв их к шее и голове, — сильно давит...

— Ей нужен кислород, — обратился к медсестре. — ЭКГ, кровь на анализы, — давал стандартные указания.

— Алексей Викторович, у нее вагинальное кровотечение, — сказала ее коллега.

— Нет! Нет! — вдруг закричала Майя, подскочив на каталке, и впилась в мою руку ладонью так, что я ощутил всю силу ее отчаяния. — Доктор, спасите ребенка!

— У нее тахикардия[1].

— Пожалуйста, спасите малыша! — Пострадавшая хвата-

ла ртом воздух, сорвав с себя кислородную маску. — Доктор, умоляю! Мой ребенок!

— Майя, если мы не спасем вас, то и ребенок погибнет. — Я попытался снова надеть на нее маску, но она не слушала, как безумная цепляясь за мои ладони, и все время мотала головой. А потом вдруг обмякла и упала обратно на каталку.

— Давление падает, — сообщила медсестра.

— Фибрилляция желудочков[2]! — Бросил быстрый взгляд на монитор, ощущая, как начинаю паниковать. «Возьми себя в руки! Возьми в руки, черт тебя дери!» — мысленно вопил я сам на себя. — Набор для интубации[3]! — командовал я. — Дефибриллятор[4]! — крикнул, когда вставил пациентке трубку, которая помогала ей дышать.

Кто-то подал мне прибор. Я приложил электроды к грудной клетке.

— Разряд!

— Ничего.

— Миллиграмм адреналина!

— Есть адреналин, — подтвердила сестра, когда ввела препарат.

— Разряд! — снова командовал я.

И снова ничего. На миг я словно потерялся во времени. Мне показалось, что передо мной лежит не девушка, которую я вижу в первый раз в жизни, а моя жена. У них даже волосы одного цвета: золотистые с медным оттенком. Я знал, что если посмотреть на нее на солнце, она будет казаться ры-

жей. Знал, потому что столько раз видел, как солнце играет в волосах Леры...

— Еще адреналин! Разряд!

— У нее асистолия[5]. — Коллега покачала головой.

— Разряд!

— Алексей Викторович, у нее асистолия! Хватит!

Я кинул электроды и принялся качать грудную клетку вручную. По лбу катились крупные капли пота, но кардиомонитор показывал отсутствие сердечной деятельности, а я все продолжал реанимацию, несмотря на непривычную тишину, которая образовалась вокруг меня, если не считать писка приборов.

— Леша, — через некоторое время услышал я сзади голос Ильи — коллеги-анестезиолога и по совместительству лучшего друга. Наверное, кто-то позвал его ко мне. — Леша, она умерла, — мягко сказал он.

— Нет! — Я упрямо продолжал реанимацию. — Не умерла! Нет!

— Леш. — Он дотронулся до моего плеча. — Это не Лера, слышишь?

— Что?.. — Я вдруг остановился и растерянно уставился на Илью, как будто в первый раз увидел. Он словно мысли мои прочитал. В какой-то момент мозг действительно сыграл со мной злую шутку.

— Это не твоя жена, дружище, дыши. Дыши спокойнее. — Илья взволнованно заглядывал мне в лицо.

— Есть пульс! — вдруг воскликнула медсестра.

Мы оба обернулись на монитор. Кажется, друг точно так же, как и я, не верил своим глазам.

— Но как?.. — только и выдавил он из себя. А я в это время пришел в себя настолько, чтобы сориентироваться:

— Звоните в операционную, пусть готовятся, мы едем! — крикнул я.

Майя

Я всегда была уверена, что у меня счастливый брак. Мы познакомились с будущим мужем, когда мне было двадцать, я тогда еще училась в университете. Роман казался таким взрослым, таким серьезным — разница в семь лет очень хорошо чувствовалась. Все мои парни-одногодки в это время думали или о тусовках, которые я никогда не любила, или об онлайн-играх, что тоже проходило совсем мимо меня. Рома же был на тот момент уже успешным политическим обозревателем, несмотря на довольно молодой возраст. Он вел колонку в популярном журнале и имел непередаваемую харизму, которая покорила меня с первой встречи.

Я пришла на практику в издание, где он работал, надеясь, что закреплюсь там и буду писать о культуре. В итоге мне, зеленому практиканту, не смогли даже выделить рабочее место. Я приходила в редакцию со своим ноутбуком и ютилась

то там, то здесь, пока однажды, покупая кофе в холле, не разговорилась с Романом. Он предложил мне место в своем кабинете, пока у меня не закончится практика. Не использовать такую возможность я не могла, а потому в тот же день уже работала рядом с Ромой. С открытым ртом наблюдала, как мастерски он разговаривает с людьми, берет комментарии прямо по телефону, договаривается на интервью. И все у него получилось так просто, как будто все, кто попадал под влияние его голоса, тут же очаровывались, неважно, женщины или мужчины.

Отношения закрутились стремительно, через несколько месяцев я переехала к Роману в новенькую, недавно построенную квартиру, оставив общажную жизнь. Некоторые одноклассники были уверены, что таким образом я решила строить карьеру, но они плохо меня знали. Я всегда хотела добиться всего самостоятельно, а потому после окончания практики ушла из того журнала и стала сотрудничать с другими изданиями, в итоге оставшись работать в газете после окончания университета.

Роман никогда не ставил мне условий. Я была уверена, что он просто любит меня любой. Любит и хочет быть со мной. Мы были счастливы. Я думала, что мне сильно повезло с мужем. Остроумный, начитанный, увлеченный своим делом, к тому же с прекрасным чувством юмора и не лишенный романтики. На выпускном он сделал мне предложение, и в том же году мы поженились. Наверное, я имела все, о чем толь-

ко можно мечтать: любимого мужа, собственную квартиру, обожаемую работу... Все, кроме одного элемента, который связал бы все воедино. Мы с Ромой очень хотели ребенка. Родители отговаривали меня, мол, рано, поживите для себя. Но мы с мужем почти с самого начала отношений знали, что хотим малыша или нескольких, поэтому, когда расписались, перестали предохраняться.

Почему-то я представляла, что через пару месяцев узнаю о том, что ношу ребенка. Но жестокая реальность оказалась такова, что месяцы и годы шли, а желанная беременность все не наступала. Я ходила к врачам, проверялся и Рома, но специалисты разводили руками. Я все надеялась, но ничего не происходило, пока один врач не смог поставить диагноз: ранняя менопауза. Эта новость ударила, словно электричеством. Мне не было еще и двадцати четырех! Какая менопауза? К сожалению, организм не спрашивал меня, а врач объяснил, что так бывает, хотя и очень редко.

Сперва общая беда сплотила нас с Ромой, мы стали как будто ближе. Он поддерживал меня, как мог. Решили попробовать ЭКО, пока это еще возможно, Рома сам предложил. И мы почти сразу же начали подготовку. Следующие полтора года вертелись вокруг медицинских процедур.

Мне казалось, что от переизбытка гормонов в моем организме что-то взорвется. Сама себя не узнавала. Именно тогда начались первые проблемы. Мы с Романом часто ругались, иногда доходило до битья посуды с его стороны, а по-

сле Рома не ночевал дома. Однако когда мы готовы были сдаться, врач на очередном осмотре сообщил невероятную новость. Мне удалось забеременеть! Эмбрион закрепился в матке!

Несколько недель я пребывала в эйфории, не обращая внимания на то, что Рома поменялся. Конечно, он обрадовался известию, но его как будто что-то беспокоило. Краем сознания я отмечала изменения, но так сосредоточилась на будущем материнстве, что отложила мысли обо всем другом.

Потом меня огорошили еще одной тревожной вестью: кровь показывала, что у плода высокая вероятность синдрома Дауна. Это стало новым испытанием. Амниоцентез — забор околоплодных вод на анализ — и ожидание его результатов окончательно расшатали мою нервную систему. Не было дня, чтобы я не плакала, пока не получила на руки заключение: плод здоров, мальчик.

Только тогда, на восемнадцатой неделе беременности, я вздохнула спокойно. И только тогда наконец заметила, насколько муж отделился от меня. Мы стали совершенно чужими людьми. Прекратили разговаривать после работы, как это бывало раньше, каждый начал заниматься своими делами, выходные мы тоже теперь проводили порознь. А мои попытки поговорить вызывали у Романа лишь раздражение. Я не хотела снова ругаться, а потому на некоторое время оставила его в покое. Подумала, что это просто стресс, и мужу нужно немного отойти от всех переживаний.

Наверное, я и дальше предпочитала бы закрывать глаза на все, что с ним происходило, но жизнь решила иначе. Словно нашкодившего котенка, она взяла меня за шкурку, и ткнула носом в то, что я так усердно старалась игнорировать.

Роман вернулся домой внезапно, прямо посреди дня. Я в это время готовила обед, потому что взяла отгул за то, что работала в прошлые выходные. Меня наконец отпустил токсикоз, который не давал спокойно жить весь первый и часть второго триместра, и я хотела приготовить что-то особенное, чтобы и себя порадовать, и то крохотное существо, которое жило во мне, и, конечно же, мужа.

— Май, — крикнул он мне с порога. — Ты не видела мой паспорт?

— Во втором ящике стола посмотри. — Вышла к нему, облизывая силиконовую лопаточку, чтобы попробовать блюдо на соль. — Спагетти по-милански будешь?

— Нет, малышка, я тороплюсь. — Он даже не посмотрел на меня. — В срочную командировку отправляют.

— Ого, ты не говорил, что уезжаешь. — Немного расстроилась, потому что собиралась устроить ему романтический вечер, чтобы оставить все недопонимания и обиды в прошлом, ведь нас ждал такой трепетный и эмоциональный период: рождение первенца.

— Да я сам не знал. — Рома пожал плечами. — Дима должен был ехать, но он заболел в последний момент. Да где же

паспорт?! — Муж раздраженно рылся в ящике.

— В зеленой папке смотрел?

— А, вот, нашел! — Рома схватил документ и, кинув его вместе с телефоном и ключами на стол, принялся быстро раздеваться. — Я сейчас только в душ и выезжаю.

— Надолго? — вздохнула я. Это была вторая командировка за последний месяц, раньше так часто его не отправляли.

— Нет, зайка, на три дня, скоро приеду. Дался им этот саммит, — бросил он мне из душа. Я слышала, как полилась вода. — Сам не хочу ехать, но больше некому, кроме нас с Димой никто материалом не владеет.

— Ладно... — сказала сама себе, потому что он меня не мог слышать.

Телефон Ромы завибрировал и упал с края стола. Я подняла его и собиралась продолжить готовить, но на разблокировавшемся от прикосновения экране высветилось сообщение от некой Марии Александровны. Куча контактов в телефоне по имени и отчеству для журналиста — обычное дело. Нам постоянно приходится общаться с десятками специалистов из разных сфер. Однако глаза мимо воли уже читали текст: «Милый, забыла взять солнцезащитный крем, захвати по дороге, только с самой сильной защитой, у меня очень чувствительная кожа».

Сперва вообще не поняла, о чем это. С нехорошим ощущением открыла переписку, которая оказалась совсем пуста. Может, это ошибка? Какая-то чудовищная ошибка. Но по-

чему так предательски дрожат пальцы, а в груди как будто жжет?

«Ром? Хорошо?» — снова пришло сообщение.

«Я уже в аэропорту», — ожил экран в третий раз.

В ванной комнате перестала течь вода. Я судорожно пыталась найти оправдание этим сообщениям. И не находила. Тем более саммит проходил в соседнем городе, и добратся на самолете туда нельзя. Руки так сильно дрожали, что я чуть не выронила телефон. Аккуратно положила его рядом с паспортом Ромы, на негнущихся ногах пошла на кухню, выключила плиту с полусырым соусом и, взяв только ключи от своей машины, вышла на улицу.

Милый... Чувствительная кожа... Аэропорт...

Почти не ощущала, как по щекам текли крупные слезы. В груди стало тесно. Малыш, чувствуя мое беспокойство, пару раз толкнулся. Я только недавно начала ощущать его движения и то и дело замирала, стараясь прочувствовать каждое колебание, каждый удар. Но не сейчас. На автомате поглаживая еще небольшой живот, я шла к машине. Еще не знала, что буду делать и куда поеду. Мне просто нужно было убраться подальше от Ромы. Поясницу начало тянуть, но так иногда случалось, и я не обратила на это внимания.

Села за руль и включила зажигание, несколько раз уронив ключи, пока наконец смогла попасть в замок. Колотились не только руки, но все тело, даже челюсть, которую я до скрипа зубов сжимала, чтобы она не тряслась.

У него другая. Другая! Я и подумать о таком не могла. Не могла допустить мысли о том, что он мне изменяет, несмотря на то, что в последнее время мы часто ссорились. Думала — стресс, волнение, нервы. Думала — все переживем и станем сильнее, станем крепче. Но нет. Теперь все пропало. Не размышляя о том, куда еду, вела машину привычным маршрутом — на работу.

А в это время сердце как будто трескалось и рассыпалось множеством осколков. Грудь словно оказалась в тисках. Проехав полпути к редакции, я осознала, что в таком состоянии вести машину опасно, хотела вызвать скорую, потому что дышать стало невыносимо трудно, но поняла, что телефон оставила дома.

В нескольких кварталах оттуда находилась больница, решила, что сама доеду, но только успела об этом подумать, как словно потерялась в пространстве. Я не понимала, куда еду, в глазах потемнело, а потом — удар. Несильный, но на секунду меня зажало подушкой безопасности, а потом я пришла в себя, окруженная людьми в темно-бордовой форме.

— Где я?

— В скорой, — откликнулся фельдшер. — Вы попали в аварию, ЭКГ плохое, везем вас в больницу.

— Я беременна! — Сразу схватилась за живот, пытаюсь ощутить малыша, но он не всегда двигался, поэтому сказать о чем-либо было сложно. — Что с ребенком?

— Успокойтесь, доедем в больницу, вам сделают УЗИ.

Как вас зовут?

Пока мы ехали, он опросил меня о моем состоянии, узнал мои данные и передал врачам в неотложке.

С каждой минутой мне становилось все хуже. Я уже не думала о Роме, о его любовнице. Пускай оба катятся к чертовой бабушке! Но мне стало безумно страшно. Если я умру, что будет с моим мальчиком? Что случится с малышом?!

Когда медсестра сказала, что у меня кровотечение, я буквально умоляла врача, который представился кардиологом, спасти ребенка. В тот момент меня больше ничего не волновало. И если бы я могла обменять свою жизнь на жизнь своей крохи, так и сделала бы.

Давление в груди и голове все нарастало, а потом я снова погрузилась в полнейшую темноту. Ничего не помню, только мужской голос, который не давал мне окончательно потерять связь с реальностью. Я слышала, как он кричал: «Нет! Не умерла!» Не знала, кому он это говорил и о ком, но почему-то кажется, что именно это заставило меня вернуться.

[1] Учащенное сердцебиение, нарушение сердечного ритма.

[2] Опасное состояние, которое характеризуется частым (200-300 сокращений в минуту) возбуждением желудочков сердца.

[3] Установка трубки в трахею для того, чтобы обеспечить проходимость дыхательных путей и провести искусственную

вентиляцию легких.

[4] Прибор, использующийся в медицине для электроимпульсной терапии грубых нарушений сердечного ритма. Не используется при асистолии, так как это не имеет смысла.

[5] Прекращение деятельности сердца с исчезновением биоэлектрической активности.

Глава 2

Алексей

Утром, приняв несколько таблеток от головной боли, я шел в больницу. Пешком, потому что ехать в таком состоянии за рулем не решился бы. Алкоголь еще не полностью вышел из крови, и я рассчитывал, что прогулка поможет скорее прийти в себя окончательно.

— Алексей! — услышал я знакомый голос со стороны парковки для персонала. — Алексей Викторович, стойте!

Ко мне быстрым шагом шла Ирина Николаевна, главврач нашей больницы. Ее шпильки быстро-быстро стучали по асфальту.

— Вот черт, — сказал под нос. А сам натянул улыбку. — Доброе утро, Ирина Николаевна, — поздоровался, глядя, как она приближается. По ее лицу можно было сразу понять, что ничего хорошего меня не ждет.

— У вас же выходной после дежурства. — Ирина Николаевна, женщина около пятидесяти лет, подошла ко мне. У нее были длинные волосы красивого платинового оттенка, которые она неизменно закручивала в тугий пучок. Она всегда носила строгие платья и высокие каблуки. Через очки в тонкой золотой оправе на меня смотрели ее обеспокоенные серые глаза.

— А я не на работу. Просто... забыл вчера зарядку от те-

лефона, — соврал я. Почему-то не хотел говорить, что иду в больницу для того, чтобы узнать о состоянии двух пациентов, которых спас накануне. Я мог бы позвонить, но хотел увидеть Майю лично. Как будто мое присутствие могло что-то изменить...

— Алексей. — Ирина Николаевна покачала головой. — Давайте-ка ко мне.

Кажется, она ни на секунду не поверила в мои слова. Я вздохнул и, словно провинившийся школьник за директором, пошел за своей начальницей.

— Кофе? — предложила она, когда мы вошли в ее рабочий кабинет.

— Не откажусь, спасибо.

Ирина Николаевна посмотрела на меня и, недовольно покачав головой, поставила чашку в кофемашину, нажав на кнопку.

— Я сделала тройной. — Через пару минут она поставила передо мной кружку.

— Так плохо выгляжу? — Криво улыбнулся, размешивая сахар.

— Вы себя в зеркале видели, дорогой? — вздохнула главврач.

Повернул голову и посмотрел на свое отражение в зеркале на стене. Черные круги, как у наркомана, залегли под глазами, проступили морщины, хотя я совсем молод, мне всего-то тридцать два, но хуже всего взгляд — на меня смотре-

ли глаза старика.

— Уж лучше бы не видел, — невесело пошутил я.

Пока разглядывал отражение, начальница сделала кофе себе тоже и устроилась в кресле напротив меня.

— Итак? — Она вопросительно подняла одну бровь.

— Что? — не понял я.

— Рассказывайте, что произошло на вчерашнем дежурстве.

— О чем вы? Дежурство как дежурство. — Я сделал вид, что ничего не понимаю, глотая обжигающий терпкий напиток.

— Ой ли! — Ирина Николаевна сощурилась. — А вот Илье Артемовичу так не показалось.

— Что он вам наплел? — начал раздражаться на друга я. Бессонная ночь не способствовала благодушию.

— Мне больше хочется узнать вашу версию событий, — мягко сказала главврач.

— Вы о чем?

— О пациентке с кардиомиопатией, — спокойно объяснила Ирина Николаевна. — О Беловой.

— Что вы хотите узнать? — вздохнул я, понимая, что она от меня все равно не отстанет.

— Все. Начните с самого начала.

Я снова недовольно вздохнул и принялся рассказывать, что произошло с того момента, когда Белова поступила в отделение. Главврач сама остановила меня, когда я заговорил

о реанимационных мероприятиях.

— Здесь подробнее.

Я скривился. Не хотел на этом задерживаться. Собирался дальше рассказать о том, как после возвращения пульса повез пациентку в операционную и там, диагностировав ей кардиомиопатию, провел внутриаортальную баллонную контрпульсацию. И тем самым спас ее жизнь, хотя и не сумел сохранить беременность. Однако Ирина Николаевна упрямо хотела узнать больше о реанимации.

— Что подробнее? — снова сделал вид, что не понял ее.

Ирина Николаевна задумчиво собирала пенку со своего капучино маленькой ложечкой.

— Знаете, Алексей Викторович, иногда мне кажется, что я работаю не главврачом, а воспитателем в ясельной группе детского сада. — Она недовольно поджимала губы.

— Я все еще вас не понимаю, Ирина Николаевна, мне что, не нужно было проводить реанимацию?

— Как долго вы ее проводили после остановки сердца?

Я нервно прочистил горло.

— Сколько, Алексей?

— Почти десять минут, — наконец сдался я. Как будто она сама об этом не знала! Ведь наверняка уже просмотрела все документы! Что ей от меня сейчас нужно? — Но сердце в итоге запустилось!

— А Илья Артемович утверждает, что ничто не указывало на то, что сердце еще сможет функционировать.

— Пусть Гуляев идет к черту! — наконец по-настоящему разозлился я на него. Еще друг называется! Будь он рядом, получил бы по роже. Кажется, главврач каким-то шестым чувством поняла, о чем я думаю.

— Не кипятитесь, Алексей, Гуляев за вас переживает.

— Да что вы все с этими переживаниями ко мне прицепились! — Я подскочил как пчелой ужаленный и собирался выйти из кабинета, когда был припечатан к полу железным тоном начальницы:

— Сядьте.

Одно это слово отрезвило меня в буквальном смысле. Я медленно повернулся обратно и максимально аккуратно, без резких движений, сел.

— Леша. — Ирина Николаевна опустила глаза, не переставая недовольно качать головой. — Поймите, дело не в ваших методах реанимации... — Она замолчала, как будто долго не могла подобрать нужные слова.

— А в чем тогда? — усмирив злость, спросил ее.

— В том... — Она закусила нижнюю губу, размышляя. — В том, как, — она сделала акцент на этом слове, — вы это делали.

— Что вы имеете в виду? — не понял я.

Главврач долго не отвечала, словно пыталась сформулировать мысли.

— Ирина Николаевна, пожалуйста, говорите прямо! — не выдержал я. — Устал от этих намеков.

На меня накатила чудовищная апатия. Хотелось лечь прямо посреди ее кабинета и просто закрыть глаза, чтобы все от меня отстали.

— Что ж, я ценю в вас эту черту. Вы никогда не юлите. И я отплачу вам тем же. Леша, я думаю, вам пора в отпуск.

— Что...

Не успел ничего возразить, главврач перебила:

— Я очень ценю вас как первоклассного специалиста и не хочу потерять. Именно поэтому вы отправляетесь в оплачиваемый отпуск, который не брали больше трех лет.

— Я не устал, — ответил сухо, получилось более враждебно, чем я планировал.

— Я не собираюсь с вами спорить, Алексей Николаевич. Я вам очень сочувствую, не представляю, каково было потерять жену и нерожденного ребенка в одночасье, но личная трагедия не должна влиять на работу.

— Да я же ей жизнь спас! — не выдержал и снова подскочил. — Если бы действовал точно по протоколу, Белова была бы уже в морге!

— Отпуск с завтрашнего дня, — холодно сообщила начальница, даже не дрогнув от моей вспышки гнева. — И советую вам провести его с пользой и начать посещать психотерапевта.

— Ирина Николаевна, — сквозь зубы процедил я, возвышаясь над этой хрупкой женщиной и сжимая в пальцах спинку стула, на котором я только что сидел.

— Алексей Викторович, — точно таким же тоном откликнулась она и медленно встала. — Зайдите в канцелярию и распишитесь в ведомости.

Я резко выдохнул и, развернувшись на пятках, стремительно покинул ее кабинет, еле сдерживаясь, чтобы не наорать. Неужели она не понимает, что работа — это то, что держало меня на плаву последний год? Без нее я давно спился бы и сдох где-то под забором. А сейчас она выкидывает меня, как какой-то использованный материал!

В голове шумело, а от ярости темнело в глазах. Поднялся в отделение хирургии, прямиком в комнату отдыха. Знал, что найду Гуляева там, если он не на операции. Он подскочил из кресла сразу, как увидел меня. Я даже не думал, не пытался анализировать, что делаю. Три широких шага к нему, замах, удар — Илья полетел на пол. Тонко закричала медсестра, это скорее походило на писк.

— Катя, тихо! — рыкнул на нее Гуляев. — Выйди и закрой дверь!

— Но, Илья Артемо...

— Выйди! — на этот раз крикнул я.

Девушка попятилась, и через две секунды мы остались одни. Гуляев, морщась, ощупывал скулу, на которой стремительно наливался багровый кровоподтек. Он сел прямо на полу и покачал головой:

— А ты сильный, бычара.

— Что ты ей сказал?! — Подошел к нему, сдерживаясь,

чтобы не пнуть, пока он в таком уязвимом положении.

— Что волнуюсь за тебя, — не стал отнекиваться друг и делать вид, что не понимает, о ком я говорю. — Леша, у тебя посттравматическое расстройство, тебе нужен отдых и лечение у специалиста.

— С каких это пор ты мозгоправом заделался?! — снова накинусь на Илью я.

— Послушай, Лех... — Он неуклюже повозился на полу и, держась за диван, поднялся на ноги. — Не нужно быть гением в психиатрии, чтобы понять, что вчера ты пытался вернуть с того света не Белову, а Леру.

— Да что ж ты лезешь ко мне, а?! — Я снова замахнулся, но на этот раз Гуляев был к этому готов и увернулся, а потом схватил меня за оба предплечья, крепко удерживая. — Отпусти! — Я сжимал кулаки, но друг не отпускал, впившись в меня, словно клещ. — Отстань, Гуляев, я серьезно! — В голосе появились истерические нотки, но я ничего не мог с этим поделать.

— Нет, Леша, не отстану, иначе хреновый из меня друг, — спокойно выдержав мой полный негодования и даже ненависти взгляд, сказал Илья.

Ощутил, как из глубины груди рвутся рыдания. И я ничего не мог с ними поделать. Я ни разу не заплакал, когда узнал о смерти Леры. Не проронил ни слезинки, когда забирал ее тело, когда готовился к похоронам, когда гроб опускали в могилу. Не плакал и после. Я себя словно запечатал. Глу-

боко-глубоко закопал себя. Свою боль, свои стенания. Глубже могилы моей жены. Гораздо глубже. А теперь я смотрел в сосредоточенное и обеспокоенное лицо товарища, смотрел в его зеленые глаза, полные сочувствия, и что-то прорвало. словно во время наводнения река смыла плотину. Рыдания накатили внезапно. Испытывая горькое чувство стыда от своей несдержанности, я упал в объятия Ильи. Он наконец отпустил мои руки и крепко прижал к себе, пока мое тело все сотрясало от неконтролируемых всхлипов. Какое там! Я еле сдерживался, чтобы не завывать в голос!

Мы просто стояли, не знаю, как долго, минут пятнадцать или около того, пока меня не начало отпускать. Илья наконец ослабил хватку. Я высвободился и, не глядя на него, подошел к окну, вытирая слезы.

— Меня отправили в отпуск, — прохрипел я, а потом откашлялся.

— Хорошо, — только и сказал друг, а потом, помолчав, добавил: — После смены заеду к тебе.

— Зачем? — без особого энтузиазма откликнулся я. Мы редко виделись за пределами больницы. Оба сильно уставали.

— Есть пара лишних бутылок, которые пациенты презентовали. Не все тебе одному пьянствовать.

— Ну, — хмыкнул я. — Валяй.

На душе стало легче. Действительно легче. Как будто дышалось по-другому. Лера погибла в прошлом году: ехала в

такси на плановый осмотр. Она, как и я, была врачом, только педиатром, мы познакомились в этой больнице. Бурный роман перерос в довольно скорую свадьбу, а почти сразу после нее мы узнали, что станем родителями. Лера не хотела медлить с этим, потому что была на год старше меня и давно задумывалась о детях. Не хватало только подходящего мужчины. И вот он — я. Мы ждали девочку. Придумывали ей имя. Сколько раз мы спорили по этому поводу! Один раз мне даже пришлось всерьез извиняться, потому что Лера обиделась на мои варианты, которые показались ей некрасивыми. Но мы оба знали, что это все гормональная перестройка из-за беременности, а потому не обращали внимания на такие мелкие склоки. Факт был в том, что мы любили друг друга до безумия и страстно желали поскорее встретиться с дочкой.

Но мечтам не суждено было сбыться. Жизнь моей жены прервал дальнобойщик, уснувший за рулем и выехавший на встречную полосу. Фельдшерам скорой, приехавшей на вызов, оставалось только констатировать смерть водителя такси и моей жены. Не спасли и малышку, хотя до родов оставалось всего несколько недель.

Я в один миг лишился всего. Потерял смысл жизни. Но, вместо того чтобы горевать, с головой ушел в работу. Заткнул ею все дыры, которые оставили в сердце и душе смерти жены и дочери. И я считал, что справляюсь. Если не думать об этом, если отвлекаться — на что угодно — кажется, что жизнь — это просто какая-то серая дымка, окутавшая

тебя. Но с этим можно существовать. Я принял эту серость, впустил в себя равнодушие. До вчерашнего вечера, когда в отделение поступила эта девушка — Майя Белова.

Оставил друга разглядывать в зеркале синяк на скуле, а сам пошел в реанимацию, чтобы узнать о состоянии пациентки.

— Алексей Николаевич? — удивилась медсестра в реанимации. — Разве у вас сегодня дежурство?

С ней я работал очень часто, поэтому общались мы почти дружески, но все же соблюдая субординацию. Она всегда была вежлива как с коллегами, так и с пациентами, этим и подкупала. Хотя, если бы я мог смотреть на других женщин, то сказал бы, что не только этим, но и стройной фигурой, а еще очень выразительными чертами лица, ярко-синими глазами и полными губами. Но я мог отметить это лишь механически. После смерти Леры не воспринимал многочисленных коллег как женщин. Просто не получалось.

— Привет, Лен. — Улыбнулся ей, стараясь хотя бы благожелательностью скрасить свой неприглядный внешний вид. — Нет, я только к Беловой зашел, чтобы узнать, как у нее дела.

Лена как будто бы смутилась и опустила глаза.

— Что такое? Что с пациенткой? — встревожился я, быстрым шагом направившись к ее палате.

— Все в порядке! — Лена подскочила с поста и бросилась за мной, схватив за локоть. — Алексей Николаевич, стойте,

пожалуйста! — Она запыхалась, пока за мной бежала.

— Что? — Я уже не слишком любезно посмотрел на нее.

— Вы должны знать... — она снова запнулась.

— Алексей? — Из палаты вышел мой коллега-кардиолог Владимир Родин, который выпустился из меда на пару лет раньше, чем я. Мы с ним редко встречались, потому что работали всегда в разных сменах. — Ты что здесь делаешь? — удивился он. — Леночка, занимайся своими делами, мы тут сами разберемся. — Родин широко улыбнулся медсестре.

Она коротко кивнула и незаметно исчезла из моего поля зрения.

— Так что тебе не спится после дежурства-то? — Вова посмотрел на часы. — Рань еще какая!

— Хотел узнать, как у Беловой дела. — Показал головой на палату, в которую вчера определили мою пациентку. — Я ей вчера операцию проводил.

— Мог бы позвонить. Номер мой потерял? — усмехнулся Родин.

Не скажу, что мы были приятелями. Скорее — конкурентами. Оба молодые перспективные кардиохирурги. Иногда мне казалось, что мы с ним негласно соревнуемся. А, может, это я себе надумал.

— Да я все равно в канцелярию заходил, завтра в отпуск иду, пора старые косточки где-то на курорте погреть. — Смог выдавить из себя улыбку. Не собирался ничего рассказывать. Только не ему. Пусть думает, что у меня все хорошо,

если это вообще возможно, учитывая мой помятый внешний вид.

— С Беловой все в порядке. Показатели в норме, ты молодец. Учитывая, как долго проводилась реанимация. — Он покачал головой. — Я вообще удивлен, что обошлось без неврологических проблем.

Я сделал еще шаг по направлению к палате Майи, но коллега заступил мне путь.

— В чем дело? — недовольно спросил я. — Я хочу увидеть свою пациентку.

— Видишь ли... — Владимир прочистил горло. — Она попросила поменять ей врача.

Озадаченный, я застыл.

— С чего бы это? — Я нахмурился, соображая, что мог сделать не так. Спас ей жизнь, вел себя корректно.

— Она мне не сказала почему.

— Ладно, дай я с ней сам поговорю.

— Леша, она спит.

— Однако же она успела тебе сообщить о том, что желает поменять врача.

— А теперь спит. — Коллега упрямо стоял между мной и дверью в палату Беловой. — Иди домой и наслаждайся отпуском, — усмехнулся Родин, а потом добавил с издевкой: — Счастливчик.

— Дай мне пройти. — Я сощурил глаза, чувствуя, как глухая злоба накатывает из глубины груди. И если я был уверен,

что Илья никому не скажет о том, что между нами произошло и откуда у него синяк на скуле, если только медсестра не проболтается, то этого товарища бить ни в коем случае не стоило. Хотя так хотелось, что оба кулака чесались! Образ летящего на пол Родина так ярко предстал перед глазами, что пришлось их на пару секунд закрыть.

Не знаю, как долго мы пререкались бы и что из этого могло бы выйти, но из палаты Беловой донесся сигнал, который оповещал о том, что пациенту что-то нужно.

К девушке тут же направилась медсестра, Родин тоже обернулся на звук. Воспользовавшись моментом, я обогнул его и вошел в палату. Лена подавала пациентке воду.

— Доброе утро, Майя, — постарался сказать это как можно более приветливо. — Как вы себя чувствуете?

— Мне сказали, что вы сегодня не работаете, — тихо откликнулась девушка.

— Алексей Николаевич. — За мной по пятам шел Родин. — Кажется, я ясно выразился, что пациентка не хочет, чтобы вы были ее лечащим врачом.

— Это правда? — обратился к Беловой.

Она только кивнула. Не мог разобрать выражения на ее лице.

— Мы можем поговорить наедине? — Я серьезно посмотрел на Белову.

— Леша, — уже по-настоящему зло зашипел Родин. — Я сейчас охрану вызову.

— Ну, давай, — хохотнул я. — Что они мне сделают? Я в этой больнице работаю, — а потом снова обратился к пациентке: — Майя, я вас чем-то обидел?

— Я тебя отсюда сам вышвырну! — разозлился коллега.

— Все... все в порядке, — подала слабый голос пациентка. — Дайте нам поговорить, пожалуйста.

— Вы уверены? — нахмурился врач.

— Да, спасибо.

— Я буду сразу за дверью, — предупредил он и кивнул встревоженной медсестре, чтобы та тоже вышла.

Когда мы остались наедине, я подошел ближе к девушке, неосознанно проверяя все показатели на кардиомониторе.

— Если и дальше так пойдет, завтра-послезавтра вас переведут в интенсивную терапию, а там и до выписки недолго. — Я попытался улыбнуться.

— Зачем вы пришли? — Белова серьезно посмотрела на меня.

— Узнать, как вы себя чувствуете.

— Так, как будто вчера потеряла самое дорогое, что у меня было, — моего малыша.

— Вы поэтому попросили другого врача? — наконец понял я.

— А вы думаете, это недостаточная причина? — Она усмехнулась так горько, что мне пришлось отвести взгляд. Не мог смотреть на ее страдания.

— Я сделал все, что мог, в той ситуации. Видимо, из-за

удара во время аварии началась острая отслойка плаценты.

— Я просила вас спасти ребенка! — Она попыталась встать, кардиомонитор показал, что пульс участился.

— Лежите, Майя, прошу вас.

Она без сил опустила голову на подушку.

— Плод был слишком мал, чтобы выжить вне утробы. Поймите, вы сами чуть не умерли! Я вас еле откачал!

— Лучше бы умерла, — тихо сказала она и отвернулась от меня.

— Идиотка! — в сердцах кинул я и, больше не глядя на нее, вышел из палаты так стремительно, как будто за мной черти гнались.

«Лучше бы умерла»! Да она сама не знает, что говорит! Если бы только Лера осталась жива! Пускай бы мы потеряли ребенка, но я все отдал бы, только бы моя любимая женщина выжила! Беловой же представился еще один шанс. Шанс на новую жизнь, шанс снова забеременеть, а она этого не ценит!

Иногда, когда становилось особенно тяжело, я поднимался в детское отделение. Смотрел на новорожденных. Кто-то спал, кто-то шевелил ручками и ножками, бывали тихие дети, а бывали и «скандалисты». Наверное, кто-то сказал бы, что я тревожу свою рану, глядя на малышей. Но мне помогало. Да, было больно, но это давало понимание, для чего вообще я работаю, для чего помогаю людям. Я не педиатр, однако даю таким, как эта Белова, шанс в будущем снова стать матерями.

Я подошел к палате, в которой лежали новорожденные. Их как раз осматривала врач. Моя коллега по виду была примерно одного со мной возраста. Очень низкая, но стройная, чрезвычайно хрупкая блондинка с большими очками, которые ей совсем не шли и делали ее похожей на стрекозу. Мы часто дежурили вместе в отделении скорой помощи.

— Привет, — еле вымучил улыбку, чтобы не показаться грубым. — Как ребенок Осиповой?

В общей палате его не было, потому что он еще лежал в интенсивной терапии.

— Идет на поправку, благодаря тебе, — вернула мне улыбку коллега. Только у нее это выглядело более искренне, чем у меня. — Как раз иду к нему. Пойдешь со мной?

— Конечно. — Я кивнул. — Мать не передумала? — все же решил уточнить, пока мы шли в отделение детской реанимации.

Педиатр только вздохнула и покачала головой.

— Насколько я знаю, она выписалась.

— Только сутки прошли с момента родов. — Я нахмурился.

Врач пожала плечами.

— Можешь уточнить в родильном, но вроде под расписку ушла.

Не знаю, чего я ждал. Неужели думал, что материнские чувства победят жизненные обстоятельства? Возможно. Не должны дети оставаться одни при живых родителях... Труд-

но это осознать.

Мой маленький пациент лежал в специальном боксе, который поддерживал все его жизненные функции. Аппараты показывали, что все в порядке.

— Он борец. — Моя коллега ласково улыбнулась, глядя на младенца. — Очень быстро идет на поправку.

Я только задумчиво кивнул. Не мог отвести взгляд от этого крохотного человечка, сердце которого я в буквальном смысле вчера держал в руках. Он безмятежно спал, и его пальчики на правой ручке то и дело подрагивали, как будто ему что-то снилось. Я нечасто оперировал таких крох, хотя в моей практике они встречались, но никогда еще я не ощущал ничего подобного ни к одному из пациентов. Возможно, все дело было в моей трагедии. А, быть может, я ощущал некоторое родство с этим черноволосым малышом. Мы оба потеряли кое-что очень дорогое — семью.

Я смотрел на него, и сердце наполнялось горечью и теплом одновременно. А мысли плавно перетекли от младенца к молодой женщине, которая вчера тоже пережила страшную потерю. Придет время, и Майя Белова поймет, что она получила еще один драгоценный шанс на жизнь. Когда-нибудь это произойдет, но, очевидно, не сейчас. Она пока слишком зла и поглощена горем. Самое ироничное, что я ее прекрасно понимал. Наверное, как никто в этой больнице. Но Майя возвела меня в ранг своего врага номер один и не собиралась отпускать ситуацию. Что сделал бы лично я на ее месте? Уж

точно не винил бы врача в том, что он ненадлежащим образом исполняет свою работу.

Мне часто приходилось общаться с разными пациентами. Не все из них были адекватны, не у всех стабильная психика, особенно в такой тяжелый период, когда им плохо физически. И за годы работы я научился абстрагироваться от претензий пациентов, если такие и случались. Но в этот раз почему-то не мог. Просто не мог перестать об этом думать!

Меня душила какая-то неконтролируемая детская обида по отношению к этой пациентке. Я ведь действительно выложился на все сто, чтобы она осталась жива. Почему-то мне было важно, чтобы она знала это, чтобы понимала, что я не какой-то там сухарь, который механически исполняет обязанности и крепко спит по ночам, когда его пациенты не выживают. Нет! Я не такой и никогда таким не был! Очень остро переживал каждую неудачу, хотя за время медицинской практики случалось всякое. Иногда все в руках высших сил, как ни старайся — хирург не всемогущий. И все же я вырвал Белову из лап смерти. А вместо благодарности получил пинок.

Майя

Я правильно сделала, что попросила поменять мне лечащего врача. На этого даже смотреть не могла. Он один из тех, с синдромом бога, которые думают, что лучше знают, как поступить. Лучше знают, кому жить, а кому умереть. Я

читала, что с двадцати двух недель беременности дети уже выживают вне материнской утробы. А я почти была на этом сроке! И я хотела, чтобы спасли моего ребенка! Не меня! Если бы врачи сразу стали спасать его, он сейчас, возможно, был бы жив! Мой малыш...

Я снова ощутила, что лицо влажное от слез. Этот хирург, Алексей Викторович, или как там его, теперь мне в кошмарах будет являться. Ненавижу! Ненавижу! Ничего не могу с собой поделать.

— Майя. — Ко мне заглянула медсестра. — Вы не спите?

Я вытерла слезы со щек и, шмыгнув носом, покачала головой.

— У меня для вас отличная новость, к вам муж пришел. Очень переживает за вас. — Она улыбнулась.

Две секунды мне потребовалось на то, чтобы осознать полученную информацию, сердце отреагировало быстрее головы. Прибор, к которому я был подключена, предупреждающе запищал.

— Майя, вы не волнуйтесь только, прошу вас! — воскликнула медсестра. — Я доктора позову!

— Не хочу его видеть, — сказала твердо.

— Врача? — растерялась медсестра.

— Мужа. Скажите, пусть оставит меня в покое.

— Ладно, только не волнуйтесь, пожалуйста. Я попрошу, чтобы пришел в другой день.

— Пусть вообще не приходит, у нас больше нет ничего

общего.

После потери ребенка расставание с Ромой не казалось чем-то страшным. Мне как будто стало все равно. Думала о муже и не ощущала к нему ничего. Словно и не было всех тех шести лет, которые мы провели вместе. Не знаю, как так возможно, но все чувства к нему разом умерли. И дело даже не в самой измене. Я прекрасно понимала, что такое может случиться с каждым. Оступился, влюбился, еще что-то — всякое бывает. Дело в том, в какое время это предательство произошло: когда я была уязвимее всего. В тот период, когда я особенно нуждалась в его поддержке и любви, он завел другую женщину. Разве это справедливо? Разве так поступают любящие мужчины? А любил ли он меня хоть когда-то?

В первые часы после пробуждения я вообще не видела больше смысла жить дальше. Думала о том, что лучше всего просто уснуть и не проснуться. Я была разрушена изнутри и ощущала непривычную пустоту в животе, там, где еще вчера двигался мой ребенок...

А потом пришли родители. Мама сильно плакала, обнимая меня, папа держал за руку и с такой нежностью на меня смотрел, что я устыдилась малодушных мыслей о смерти. Каково было бы маме и папе, если бы меня не спасли?..

И все же у меня было очень много времени, проведенного в одиночестве, чтобы обо всем хорошо подумать. И первое, что я сделала, когда меня перевели в обычную палату, — позвонила адвокату — Тоне Есиной, моей давнишней знако-

мой еще со времен школы. Мы поступали в один год, только я пошла на журфак, а она — в юридический.

Тоня всегда была миниатюрной. Низкая брюнетка с довольно короткой стрижкой и выразительными карими глазами с очень густыми ресницами. Вот кому не нужен макияж! Уверена, что некоторые обманывались ее внешностью, потому что она совсем не сочеталась с железным характером этой девушки. Я знала, что у той хватка, как у бульдога. Уж если она чем-то занялась, то доведет дело до конца. А только этого я в тот момент и желала.

Антонина принесла мне целую сетку апельсинов. Я усмехнулась, увидев ее в дверях с этой авоськой, она не подходила к ее светло-серому брючному деловому костюму, который сидел на ней как влитой. Сразу видно — сшит на заказ. Имидж для юриста много значит, поэтому к одежде Тоня подходила ответственно.

— Не знала, что тебе сейчас можно есть, — как-то виновато сказала она, присаживаясь на краешек моей койки.

— Да, вроде бы, ничего не запрещали. — Я пожалала плечами. — Только горло еще немного побаливает после интубации, но мне сказали, что скоро все пройдет.

— Как ты? — с сочувствием спросила Тоня.

— Нормально. — Я кивнула. — В относительном порядке, — добавила, еще немного подумав.

Я не хотела сочувствия, мы не были с ней настолько близки. Иногда общались в соцсетях, реагируя на новые фото

друг друга, и даже пару раз после окончания школы пересекались на встречах выпускников, но за рамки этого общения не выходили. Однако я знала, что она хороший адвокат, и то, что она согласилась заняться моими делами прямо в больнице, несказанно радовало. Трудно было представить, что совсем чужой человек согласился бы бросить все и ехать ко мне в больницу. Приятно, когда есть кто-то, кто готов позаботиться обо мне, пусть у нас деловые отношения, и я плачу Тоне деньги.

— Хорошо. Тогда расскажи подробнее, что именно требуется от меня? — тон голоса Антонины сразу изменился, она словно переключилась с режима подруги на режим юриста. Это было именно то, что мне нужно.

— Будь моим представителем, пока я не оправлюсь. Я хочу развестись с мужем и подать в суд на врача, к которому попала на лечение.

У Тоси чуть расширились глаза.

— Ты думаешь, что?.. — Она обернулась, убедившись, что в палате, кроме нас, никого нет.

Родители настояли на переводе в платную одиночную палату, чтобы меня не беспокоили соседи. Я не сопротивлялась. Если им так спокойнее, пускай поухаживают за мной и оплатят эту палату. Они и так ощущали свою беспомощность, я видела это по глазам мамы, поэтому не стала отпираться.

— Я думаю, что он действовал халатно, и именно из-за

его способов лечения я потеряла ребенка, — сказала прямо, хотя говорить об этом было трудно. Но сейчас не до сантиментов, адвокат должна знать, в какой ситуации я оказалась, чтобы правильно выстроить стратегию ведения моих дел.

Тоня закивала, при этом лоб ее прорезала глубокая вертикальная морщина совсем не по возрасту. Она заправила за ухо черный локон, случайно выбившийся из тщательно уложенной прически, и открыла папку с документами, которые принесла.

— Я хочу лишить его медицинской лицензии, — снова подала голос я. — Чтобы он больше никому не смог навредить.

— Май. — Адвокат закусила губу. — Я уже занималась пару раз подобными случаями. — Ты не можешь лишить его медицинской лицензии, так как он наемный работник, лицензии можно лишить только всю больницу сразу. А это, как ты понимаешь, из области фантастики. Даже не знаю, что должно было бы произойти, чтобы такое удалось проверить.

— И что, ничего нельзя сделать? — расстроилась я.

Только мысли о том, как я восстановлю справедливость, придавали мне силы в последние дни.

— Можно попробовать лишить его права заниматься врачебной деятельностью.

— Это не то же самое, что лишить лицензии? — не поняла я.

— С юридической точки зрения — нет, но по факту, если ты выиграешь дело, он больше не сможет лечить людей.

— Отлично, это мне подходит. Поможешь написать заявление?

— Ты уверена? — Тоня покачала головой. — Развод с мужем — дело одно, вас быстро разведут, учитывая, что у вас нет... — она запнулась.

— Я поняла, нет детей. — Сжала челюсти. Я постоянно буду сталкиваться с напоминаниями, что ребенка я потеряла. Нужно к этому привыкать, иначе с ума сойти можно.

— Да, верно, — согласилась она. — Но тяжба с врачом — совсем другое. Это может растянуться на многие месяцы. Это дорого и нервно. Ты уверена, что хочешь?

— Уверена, Тонь. Уверена. Как никогда и ни в чем.

— И я не даю гарантию на победу, за него будет стоять профсоюз, а у медиков очень серьезные юристы.

— Я готова. Правда. Давай сделаем это. — Улыбнулась и дотронулась кончиками пальцев до руки Тони. Она вздохнула и улыбнулась в ответ, открыв ноутбук. — Что ж, давай заполним документы, а потом я подготовлю их для суда.

Глава 3

Алексей

Дни шли. Отпуск казался бесконечным, тем более что я не делал ничего. Все сводилось к ежедневному походу в ближайший супермаркет. Я брал готовую еду в отделе кулинарии и пару бутылок чего-то крепкого. Настолько крепкого, чтобы не видеть снов. Без допинга спать я не мог. И та безумно постыдная истерика, которая застала меня врасплах перед другом, не помогла. Вернее, помогла совсем ненадолго. Но лить слезы я не привык, поэтому оставалось только травить организм. Раньше я никогда особо не пил, максимум пару бокалов какой-нибудь шипучки по праздникам. Но какое теперь имеет значение то, что было раньше? Теперь — это теперь. И никогда так, как раньше, не будет. Да я философ!

Единственный светлый лучик во всем этом темном царстве — ребенок, которому я провел операцию. Он быстро восстановился, и его перевели в обычную палату, но пока не выписали из больницы, чтобы малыш еще какое-то время находился под присмотром медицинских работников. После выписки его должны были забрать в дом ребенка.

Я несколько раз приходил к мальчику. Подолгу сидел рядом, наблюдая, как кроха спит, или брал на руки, когда тот просыпался. Иногда мне начинало казаться, что между на-

ми есть какая-то невидимая связь. Никогда до того у меня не возникало подобных чувств по отношению к пациентам, неважно, какого они были возраста или пола. А тут взгляд малыша, когда он бодрствовал, не давал покоя. Иногда он мне снился. Я все время думал о том, как сложится его судьба. Почему-то не получалось выкинуть из головы этого брошенного малыша. А потом я списывал ощущения на усталость. Как ни странно, вынужденный отпуск утомлял меня гораздо сильнее, чем работа. Я просто не знал, куда себя девать.

В который раз мне набирал Илья. Я скинул звонок. Не хотел ни с кем разговаривать. Даже с ним. Особенно с ним. Рядом с другом я ощущал себя уязвимым, потому что от его пронизательного взгляда было трудно закрыться, спрятаться в скорлупу. А я привык быть сильным. Или, по крайней мере, казаться таким. Чувствуя себя слабым при Илье, я хотел скорее избавиться от этого ощущения.

Экран опять ожил. Ну что он снова от меня хочет?! Я со злостью плеснул себе янтарную жидкость в бокал. Сперва разбавлял водой, но потом понял, что, несмотря на противный привкус, лучше пить все в чистом виде. Так эффект наступал гораздо быстрее, и меня вырубало.

Но в этот раз организм дал сбой. То ли напиток попался некачественный, то ли тело отказывалось принимать всю ту отраву, которую я для него приготовил на сегодня. После очередной порции меня не отключило, на что я очень наде-

ялся, сидя на диване перед телевизором. На фоне шел какой-то дурацкий боевик. Упрямо налил себе еще, но половину — мимо. В глазах двоилось, а в голове гудело.

Кто-то позвонил в дверь. Я не смотрел на часы, и так знал, что уже за полночь. Кого черти принесли в такое время? Если притворюсь, что меня нет, они наверняка уйдут.

Тошнота накатила внезапно. Я сорвался с места, сбив журнальный столик, и полетел к туалету. Когда избавился от содержимого желудка, вывалился из туалета и услышал стук в дверь.

— Лех, открой! — громко говорил Илья, не переставая колотить в дверь.

Этак он всех соседей разбудит, debil. Умом я это понимал, но тело отказывалось повиноваться. Я лежал прямо в коридоре и не мог подняться, даже пошевелить пальцем не удавалось. Блаженно опустил лицо на холодную плитку рядом с ботинками. Так лучше. Гораздо лучше. На меня начала накатывать темнота.

— Леша! Или ты открываешь дверь, или я ее выбиваю!

И я знал, что он не шутит. Вряд ли, конечно, выбьет, скорее плечо вывихнет или ногу ломает. Но попытается так точно. Как он меня задрал!

Пока я пытался встать на четвереньки, чтобы доползти до двери, ее начали сотрясать нехилые удары.

— Да иду я! — Крепко выругался, глядя на плитку между руками, потому что когда поднимал голову, все вокруг начи-

нало безудержно кружиться.

Путь до двери занял несколько минут. Мысли оставались почти ясными, но тело совсем мне не подчинялось. Наконец я повернул замок и с чувством выполненного долга упал прямо в проходе.

— У-у-у, — протянул Илья. — Да, дружище, все еще хуже, чем я предполагал.

Он наклонился и с кряхтением поднял меня, потащив на диван.

— Но я тебе кое-что принес, — сообщил он, когда уложил меня и сходил в коридор, чтобы закрыть дверь.

— Виски? — еле ворочал языком я.

— Хериски, — огрызнулся друг и развернул бумажный пакет, из которого вытащил инфузионный мешок.

— Капельница? — не поверил своим глазам. — Какого черта?

— Такого. Хватит дурыю маяться. У тебя уже интоксикация пошла.

— Оставь меня.

— Ага, сейчас. Разбежался, — Илья взял мою руку и обработал кожу тампоном, смоченным спиртом.

Попытался отобрать руку, но Илья был явно в лучшей физической форме.

— Куда бы повесить? — оглянулся он. — А, вижу, — он прикрепил капельницу на шкаф рядом с диваном. — Отдыхай пока, а утром мы с тобой поговорим.

— О чем? — еле открыл глаза, скосив взгляд на Илью.

— У меня есть идея, как скрасить твой вынужденный от-
пуск.

Хотел еще что-то сказать, но сон наконец утянул меня в непроглядную темноту. А Илья... Фиг с ним, пусть остается, если так хочет.

— Итак, каждый из вас получил жилет с логотипом нашей благотворительной организации, — рассказывала высокая рыжая женщина в очках с очень толстыми линзами. Она и сама стояла в светло-голубом жилете с символом голубя на груди. Жилет совсем не походил к ее одежде, да и говорившая не отличалась красотой, но мы собрались тут совсем не для того, чтобы оценивать внешность друг друга. Сказать по правде, я еще сам не до конца понял, что тут делаю. Илья притащил меня на какое-то сборище волонтеров, и теперь нам рассказывали, чего от них, то есть от нас, ждут. Я с легким недоумением взирал на свой голубой жилет. После капельницы мне стало гораздо лучше, даже за руль сел с утра.

— Слева вы видите кухню. — Рыжая махнула на просторный шатер с раскладными столами, на которых стояли одноразовые контейнеры с едой. — Еду привезли наши спонсоры, ее нужно раздать нуждающимся, но проследить, чтобы без давки и конфликтов. Справа шатер с одеждой, бывшей в употреблении, там же у нас организован пункт приема вещей. Прямо перед вами палатка с медикаментами, где мож-

но получить первую помощь в случае необходимости, обработать незначительные повреждения, получить средства от паразитов. У нас есть штатный фельдшер. Остается... — Волонтер глянула на часы на запястье. — Двадцать минут до официального открытия этого пункта. Пожалуйста, определитесь, где вы готовы помогать и заполните анкеты, которые вам раздали на входе.

Я опустил глаза на лист, который держал в руках. Стандартные данные: имя, фамилия, возраст, телефон. Также предлагалось ответить, согласен ли я стать волонтером на постоянной основе и по какому графику мне будет удобно работать.

— Илья. — Я посмотрел на него. Он не стал брать жилет и анкету, потому что ему нужно было выходить на смену через час. — Напомни-ка мне, что я здесь делаю? А то я...

— Зачем ты поступил в мед, а, Лех? — друг хитро сощурился.

— Чтобы помогать людям, — хмыкнул я.

— Ну так вот и помогай, пока находишься в вынужденном отпуске.

Я недовольно поджал губы. Он привез меня сюда, толком ничего не объяснив, а теперь собирался на работу, оставив меня одного посреди этого хаоса.

— Я не думаю, что у меня... — Не успел договорить, как ко мне подошла улыбчивая девушка лет семнадцати в таком же голубом жилете.

— Здравствуйте! Я Милана. — Она кивнула мне. — Помочь вам определиться с вашими сегодняшними обязанностями, пока к нам не пошли первые посетители?

— Ну, дружище, я пошел, а то опоздаю. — Илья хлопнул меня по плечу и, не дождавшись ответа, быстрым шагом скрылся из виду.

Вот же... хитрый жук. Не удивлюсь, если он таким изощренным способом пытается найти мне нянек. Покачал головой Илье вслед и обратил внимание на девушку. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, ожидая какого-то ответа. От нее так и веяло молодостью, активностью и наивностью. Рядом с ней ощутил себя столетним стариком. Не дождавшись от меня никакой реакции, Милана снова заговорила:

— Больше всего людей нужно на кухне, можете пройти туда. — Она указала на палатку с едой.

— Я к фельдшеру. — Махнул ей и пошел к медицинской палатке.

— Пойдите! — Она попыталась меня догнать. — Там у нас только квалифицированный персонал.

— Я хирург, — кинул ей, настроения что-либо объяснять не было.

Волонтер отстала, и то хорошо.

— Добрый день, помощь нужна? — Я подошел к мужчине в возрасте, скорее всего, пенсионеру, и показал свой больничный пропуск.

Тот внимательно посмотрел на документ и перевел удивленный взгляд на меня.

— Кардиохирург?

— Да, но, думаю, что и с обработкой от вшей вполне справлюсь. — Я криво улыбнулся.

Мне показалось, что старик еще хотел что-то спросить, но потом деликатно решил промолчать, чем сразу расположил меня к себе.

— Буду рад поработать вместе с вами. Петр Исаакович.

— Он протяну мне ладонь.

Я ее пожал.

— Просто Леша.

— Ладно, просто Леша, — по-доброму улыбнулся фельдшер. — Давай посмотрим, что у нас тут где лежит. Я волонтеру пять лет в разных организациях. Всякие случаи бывают. Утром будет мало посетителей, а к вечеру, как вести распространяться, к нам со всех районов повалят бездомные. Работы предстоит много.

— Я уже успел отдохнуть. — Усмехнулся, заглянув в ближайший ко мне контейнер, в котором оказались стерильные бинты и бактерицидные пластыри.

Пошли первые люди. Палатки располагались прямо на улице, на территории давно закрывшегося завода. Видимо, кто-то услышал об открытии временного волонтерского пункта из новостей, кто-то шел мимо. Люди в голубых жилетах рассказывали посетителям, что они могут получить по-

мощь или оказать ее другим. Я слышал обрывки их разговоров.

К обеду мы с Петром Исааковичем успели обработать несколько ожогов и ссадин, отправили одного бедолагу с диабетической гангреной на скорой в больницу и осмотрели молодую женщину, которая даже не подозревала о том, что беременна, хотя я четко расслышал сердцебиение плода через стетоскоп.

— Сходи-ка выпей чаю, — предложил мне фельдшер. — Я пока подежурю, а там поменяемся.

Хотел сказать, что не устал, но вдруг понял, что действительно нужно размять ноги. Пошел к столу с напитками для волонтеров, попутно отвечая Илье, который спросил, как у меня дела в мессенджере.

«Если ты боишься, что я сбежал, то нет».

Не успел спрятать телефон в карман, как на экране высветился номер главврача.

— Да, Ирина Николаевна. — Я поднес телефон к уху, подозревая что-то неладное. Иначе с чего бы ей звонить мне, пока я в отпуске, в который она, между прочим, меня сама же и отправила?

— Алексей, добрый день. Как ваш отпуск?

— Спасибо, вполне неплохо, — соврал я, заваривая чайный пакетик в бумажном стаканчике с кипятком. — А вы только для этого позвонили? — уточнил нетерпеливо, какая-то тревога не давала покоя.

— Нет... — замялась начальница. — Алексей Викторович, я хотела уведомить, что на вас подали жалобу, — выпалила она так, будто самой было неловко произносить эти слова.

— Белова, — без тени сомнения сказал я.

— Белова, — вздохнула главврач. — Она обвиняет вас в халатности.

Я выругался, сжав стаканчик. Горячий напиток обжег ладонь. Я зашипел, размахивая мгновенно покрасневшей рукой.

— Черт!

— Что случилось, Алексей? — встревожилась Ирина Николаевна.

— Ерунда, — кинул я, хотя руку безумно жгло. — Вы же знаете, что это неправда! Я не мог спасти ребенка, как она того хотела. По всем правилам спасают мать. Тем более у нее был еще слишком малый срок, чтобы плод выжил без материнской утробы!

— Леша, успокойтесь, пожалуйста, я на вашей стороне.

— Ну хоть так, — невесело хмыкнул я. — И что теперь?

— Соберем комиссию, рассмотрим все досконально, вынесем вердикт. Я уверена, что вам не о чем волноваться. Но...

— Что еще? — более грубо, чем хотел, спросил я.

— Адвокат Беловой предупредила, что они подали на вас не только жалобу в Минздрав, но и исковое заявление в суд,

поэтому до выяснения всех обстоятельств я вынуждена отстранить вас от работы.

— У меня отпуск еще больше недели, — нахмурился я.

— Да, и это очень хорошо. Но тяжба может продлиться и несколько месяцев. Но я всем скажу, что вы сами продлили отпуск, чтобы избежать лишних сплетен. Идет?

— Разве мне что-то еще остается? — вздохнул я. — Эта девушка совсем с головой не дружит.

Я был так поражен ее поступком, что даже злиться больше не мог.

— Спасибо, что сообщили. Держите меня в курсе, пожалуйста.

— Хорошо, Леша, крепитесь, правда на вашей стороне, — ободрила начальница и сбросила звонок.

Чая уже не хотелось. Да и рука болела. Теперь из-за этой... дамочки я могу еще долго не выйти на работу. В том, что меня оправдают и никакой халатности в моем поведении не найдет ни один специалист, я нисколько не сомневался. Но вот на какой срок затянутся все разбирательства — большой вопрос. Я же планировал выйти на работу через десять дней. А теперь вообще неизвестно, когда снова вернусь к операциям. С моей спецификой работы долгие перерывы делать нельзя. Нужно было оставить Белову, как говорили все вокруг. Оставить и констатировать смерть, как и положено по алгоритму. Подумал об этом и сам устыдился таких мыслей. Пусть будет здорова, только отстанет навсегда.

Вернулся к фельдшеру. Он со вздохом посмотрел на мою покрасневшую руку.

— Нелепая случайность, — коротко объяснил я.

— Давай перевяжем.

— Ерунда, — отмахнулся я.

— Не ерунда, сам, что ли, не видишь?

На ладони образовались пузыри.

— Ладно, давайте, — сдался я.

— Врачи, врачи! — засмеялся волонтер. — Сапожники без сапог.

— Есть такое, — улыбнулся я, наблюдая, как Петр Исаакович обрабатывает мне руку.

У одной из палаток царило оживление. Там столпились волонтеры. Я не сразу понял, в чем дело. От группы отделилась рыжая женщина, которая говорила с нами утром, и быстро пошла к нам.

— Петр Исаакович, — заулыбалась она. — К нам пресса пожаловала. Берут у всех интервью. Скажете пару слов?

— Да что я? — засмеялся старик. — Смотрите, какой у нас помощник сегодня! Кардиохирург!

— Правда? — расширила глаза рыжеволосая.

— Алексей Самойлов. — Я протянул ей правую руку, которая, к счастью, не пострадала. Женщина приняла ее и с радостью затрясла.

— Я Надежда. Алексей, вы нам очень поможете, если дадите журналистам интервью. То, что в нашей команде кар-

диохирург, здорово поспособствует делу. Это подаст пример другим врачам да и вообще всем... — она замолчала. — Пожалуйста.

— Ну, если это так необходимо. — Я пожал плечами. Не раз общался с прессой после уникальных операций. Однако это было до смерти Леры. После этого я отказывался говорить с журналистами. Мне вообще лишний раз ни с кем говорить не хотелось. Но эти волонтеры были такими... увлеченными! Они хотели помогать другим, при этом ничего за это не получая. Я был немного обескуражен, но восхищен ими. Не знал, приду ли сюда еще раз, но все же если я могу сделать для них такую мелочь, как ответить на пару вопросов и поулыбаться на камеру — от меня не убудет.

— Отлично! Я позову их сюда! — сказала Надежда и побежала обратно к группе людей.

Через минуту к нам подошли три красивые девушки с микрофонами, на которых были логотипы разных телеканалов, вслед за ними шли операторы с огромными камерами на плечах. Они принялись расставлять их перед нашей палаткой. Одна из журналисток подошла ко мне.

— Добрый день! Я Дарья Покровская, корреспондент «Первого Новостного», — представилась она. Мы зададим вам несколько вопросов, если вы не против.

— Да, конечно. — Кивнул, поднявшись с места.

— Пускай сидит, — услышал голос одного из операторов. — И надо чтобы кто-то из пациентов сел рядом, заснимем

картинку сначала.

— Мы можем пригласить сюда кого-то? — журналистка посмотрела на Надежду. Та засуетилась, ища глазами «жертву».

Пока она искала нам «пациента», я представился и ответил на несколько вопросов не на камеру. Надежда привела мужчину не сильно свежего вида, но, кажется, он был совсем не против попозировать для телевидения.

— Осмотрите его, мы просто заснимем вашу работу, — снова попросила журналистка. Я вздохнул, но сделал то, о чем они просили.

— А теперь давайте поменяем локацию, — командовали мной журналисты. — Встаньте, пожалуйста, вот здесь.

— Так? — уточнил я.

— Да, спасибо. — Девушки приветливо улыбались.

Я и отвык от того, что давать комментарии прессе — это так утомительно.

— Пишем? — Одна из журналисток посмотрела на операторов.

— Да.

— Алексей Николаевич, почему вы решили стать волонтером? — Дарья протянула мне микрофон.

— Извините, подождите! — К нам снова бежала рыжая Надежда. — Тут еще печатные СМИ приехали. Давайте уже все вместе!

К нам спешило еще несколько человек, на ходу включая

диктофоны. Они облепили меня со всех сторон, протягивая руки с устройствами. Хотелось убежать от пристального внимания. Надо же было нарваться на такую засаду!

— Все готовы? — Дарья снова окинула своих коллег взглядом.

— Пишем, — скомандовал один из операторов.

— Итак, Алексей Викторович, почему вы сегодня пришли сюда? Почему решили стать волонтером?

Я начал отвечать на вопросы, разумеется, не говоря всей правды. Рассказывал то, что от меня ждали: что люблю помогать людям, что это здорово, что это наш долг как сознательных членов общества и так далее и тому подобное. Вопросы не заканчивались. Каждый журналист задал как минимум по два.

— Как волонтерство сказывается на вашей основной работе? — внезапно услышал я голос, от которого у меня сердце трепыхнулось. Я резко повернулся к златовласой девушке, которой несколько недель назад спас жизнь, и застыл как вкопанный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.